

ВЕРА КРЫЖАНОВСКАЯ

*Бенедиктинское
аббатство*

RUGRAM

Москва

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Крыжановская В.

К85 Бенедиктинское аббатство / В. Крыжановская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 466 с. — (Жизни и судьбы).

Вера Ивановна Крыжановская (1857–1924) — русская романистка, известная женскими, историческими и оккультными произведениями.

«Бенедиктинское аббатство» — мистический роман о загадках и ужасах Бенедиктинского аббатства и окрестных замков, которые становятся известны благодаря исповедям главных героев. Но всегда ли Свет побеждает Тьму?

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77620-7

© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ИСПОВЕДЬ ПАТЕНА САНКТУСА

В то время, когда я стал себя помнить (рассказ этот относится к началу XII века), мне было четыре или пять лет и я совершенно не знал, кто были мои родители и где я родился. Жил я в башне старого развалившегося замка, под наблюдением старого воина и его жены, добрых почтенных людей, искренно любивших меня; но они не были моими отцом и матерью.

Часть замка, еще сохранившаяся от разрушения, тщательно запиралась, и я знал только, что при помощи большой связки ключей, хранившейся в сундуке моего приемного отца, можно было открыть комнаты, в которых, однако, я никогда не был.

Жизнь моя текла спокойно и относительно счастливо. Я не чувствовал ни в чем недостатка; ел когда хотел, играл совершенно свободно, лазил по деревьям, разоряя птичьи гнезда, бегал по запущенному саду и пустым комнатам разрушившейся части замка, который называли Рабенест, и таким образом достиг двенадцатого года.

Как-то вечером все мы сидели за ужином. В камине весело сверкал огонь, погода была ужасная, дождь лил ручьем, ветер свистел и ревел в развалинах, а крик сов, гнездившихся в нашей башне, усиливал страшное впечатление, заставляя в то же время сознавать приятный контраст между безопасным теплым жильем и бушевавшей бурей.

Но вдруг мы вздрогнули от раздавшегося лошадиного топота и крика:

— Эй!

Мой приемный отец взял прикрепленный к стене факел и бросился на улицу, куда и я побежал за ним. Сильный порывистый ветер едва не задул факела, но все-таки мы рассмотрели в нескольких шагах от нас группу всадников.

— Подойди, старик! — звучным голосом сказал стоявший ближе других. — Именем графа фон Рабенау, отвори нам комнаты замка, — прибавил он, протягивая кольцо с гербом.

— Я весь к вашим услугам, господин. Извольте следовать за мною, — сказал отец мой, отвешивая низкие поклоны.

Затем он пошел за ключами и позвал пастуха подержать лошадей.

Тогда я увидел, что прибывших было шестеро, из них два рыцаря с опущенными забралами и четыре оруженосца.

Господин, говоривший с отцом, был внушительного вида с гордо закинутой головой; второй рыцарь держал голову опущенною, и в руках у него было что-то завернутое в плащ. Свита следовала за нами на почтительном расстоянии.

Я также взял факел и помог отцу осветить узкую извилистую лестницу, которая вела в комнаты, где еще можно было жить.

Наконец отец отворил массивную дверь, и мы вошли в комнату, какой я еще никогда не видал.

Это была длинная, довольно обширная зала, с низким потолком из огромных бревен; несколько узких, словно бойницы, окон, глубоко сидящих в толстых стенах, давали очень мало света днем. Посредине стоял большой стол из почерневшего дуба и такие же стулья с высокими спинками, украшенными гербами, а против окон возвышался огромный камин.

Приемные родители мои и пастух усердно занялись приведением всего в порядок и вскоре мрачная зала приняла более уютный вид; в серебряном канделябре зажгли желтые восковые свечи, принесли дрова и в камине засверкал веселый огонек.

Из прибывших только двое сели, остальные стояли. Когда оба рыцаря подняли забрала, я с любопытством стал рассматривать их; у того, кого можно было принять за главного, было матовой, но не болезненной бледности лицо, с маленькой шелковистой, вьющейся бородкой. Огненный взгляд его черных, властных глаз трудно было выдержать.

Неожиданно для меня он спросил:

— Кто ты?

Рыцарь внушал мне мало доверия, и я со страхом пролепетал:

— Я... я?

И собрался убежать.

— Конечно ты, маленькая жаба, — произнес рыцарь, удерживая меня за руку.

— Я, — отвечал я прерывающимся голосом, до такой степени чувство страха и негодования охватило меня при имени жабы, — я, Энгельберт, приемный сын отца Гильберта.

При этом имени рыцарь вздрогнул; выпустил мою руку: он поспешно взял канделябр и осветил мое лицо, словно вглядываясь в меня. Лицо его нахмурилось, и с уст сорвался возглас удивления:

— Взгляни на этого мальчика, Бруно. Не находишь ли ты в нем знакомые черты?

Второй рыцарь поднял голову и остановил на мне на миг усталый взор.

В свою очередь он также вздрогнул.

— Роза! Это ее черты, — сказал он в волнении.

— Тише! — остановил его первый, бросая недовольный взгляд на четверых оруженосцев, стоявших в нескольких шагах от них.

Он нагнулся к своему товарищу, и они стали говорить шепотом.

Мне было легко разглядеть их, и я увидел, что говорившему со мною рыцарю было около двадцати или двадцати двух лет; другой же был много старше, лет за сорок. Он был очень бледен, а на сжатых губах застыло грустное и горькое выражение.

Только теперь я заметил на его руках маленькую девочку, пяти или шести лет, крепко спавшую, прижав голову к груди своего покровителя. Ее светлые, густые, вьющиеся волосы ореолом окаймляли лоб, и она мне представлялась ангелом.

Когда рыцари окончили свой разговор, они скоро отпустили меня. Вышел я точно во сне и опомнился только в нашей башне, куда мои приемные родители также приш-

ли вскоре. Пока мы оканчивали так неожиданно прерванный ужин, мать Бригитта рассказала, что рыцари еще долго оживленно спорили, потом отпустили ее, приказав уложить малытку, прелестную и кроткую девочку.

Я заснул очень взволнованный, а утром Бригитта разбудила меня, расталкивая и крича:

— Вставай, лентяй! Все уже на ногах и путешественники уехали.

— Как! Уже уехали? — сказал я, огорченный.

— Не все, успокойся, — ответила мать Бригитта, смеясь. — Один из рыцарей остался с девочкой, и они будут здесь жить. Забавная фантазия у богатых людей, — прибавила она, пожимая плечами, — похоронить себя в этом старом развалившемся гнезде, окруженном лесом и так далеко от города! Этот старый Рабенест годится беднякам, вроде нас, которые будут счастливы везде, где есть кров и пища.

Я поднялся с постели в большой задумчивости, горько сожалел, что не видал более молодого рыцаря с поразительными чертами лица.

* * *

Несколько дней я не видел ни рыцаря, ни девочки, и жизнь пошла своим обычным порядком. Перемена была только в том, что мать Бригитта стала готовить обед для новых обитателей, а я таскал из погреба бутылки старого вина.

Мать Бригитта рассказывала чудеса о красоте и кротости маленькой Нельды, которую она имела честь одевать и укладывать.

Однажды, забравшись в сад, я увидал этого ребенка сидящим на траве и игравшим цветами.

Увидав в моих руках птичку, которую я только что поймал, девочка подозвала меня. Я подошел, сел около нее и показал ей птичку. Она гладила своими розовыми пальчиками ее голову и просила меня подарить ей ее. Я охотно согласился, и Нельда была в восторге.

— Пойдем, — сказала она, взяв меня за руку, — пойдем к отцу. Он даст нам чего-нибудь сладкого.

Она повела меня по лестницам и коридорам, пока не остановилась у слегка приотворенной дубовой двери. Заглянув сначала, она впустила меня в комнату, вид которой удивил меня.

Она освещалась одним окном, а на полу и на мебели были во множестве нагромождены книги и рукописи. За высоким столом сидел спиной к нам, склонив голову на руку, старший из двух рыцарей. Он читал открытую огромную старую книгу.

— Отец, отец, — кричала Нельда. — Посмотри, этот добрый мальчик подарил мне прелестную птичку. Его зовут Энгельберт. Дай мне чего-нибудь сладкого угостить его.

Услышав голос дочери, рыцарь обернулся, и я заметил, что он покраснел. Он поднялся со своего места и нагнулся ко мне, положив на мое плечо тонкую белую руку. Я увидел, что лицо его было очень печально, а глаза необыкновенно добры.

Через минуту он отвернулся со вздохом и, подойдя к сундуку, достал оттуда тарелку с засахаренными фруктами.

Подав ее Нельде, он сказал:

— Возьми и угощай своего нового друга.

Она не заставила повторять и, усевшись на груду старых книг, мы принялись за угощение.

После того, как мы полакомились, Нельда показала мне свои игрушки и все, что находила интересным.

— Что там? — с любопытством спрашивал я, указывая на толстые тома.

При этих словах, рыцарь, ходивший взад и вперед и наблюдавший за нами, остановился и сказал, улыбаясь:

— Очень хорошие и очень полезные вещи. Умеешь ли ты читать, Энгельберт?

— Нет, — отвечал я.

— А хотел ли бы ты научиться читать, узнать чужие языки, какие есть на земле места, кроме того, где ты живешь; понять, что делают с наступлением ночи звезды на небе; узнать пользу растений, чтобы делать из них лекарства, и, наконец, узнать, что делали люди, жившие до нас, иначе — историю народов.

Я слушал молча, тяжело дыша.

— Хочу ли, — вскричал я, наконец, в восхищении. — Конечно, хочу узнать все, узнать, что звезды делают на небе, а не лазить только по деревьям и разорять гнезда.

При моих восторженных словах лицо рыцаря озарилось улыбкой.

— Если ты так искренно желаешь, — сказал он, — приходи ко мне каждый день и узнаешь все. Но предупреждаю тебя, что надо много трудиться.

С этого дня я почти все время проводил около господина Теобальда, как приказал он называть себя; но позднее я узнал, что это не было его настоящее имя.

Вкусив прелесть чтения, я стал жить одними книгами, считая их самым драгоценным сокровищем.

Пока я учился, время летело стрелой. Я работал без отдыха, а рыцарь Теобальд был добрый, терпеливый учитель и радовался моим успехам. Латинский язык я выучил легко и принялся за изучение медицины и астрономии.

В свободные минуты я играл с Нельдой и одной маленькой сироткой, которую судьба привела в замок Рабенест.

В то время единственный сын моих приемных родителей возвратился домой серьезно больным, вследствие полученных ран. Он был солдат и женился в дальней стороне, но жена его умерла, и он привел с собою свою дочку Гертю, хорошенькую девочку, почти ровесницу Нельды.

Проболев несколько недель, бедняга умер, оставив ребенка на попечение стариков. Рыцарь Теобальд взял ее к своей дочке, чтобы играть с ней и прислуживать, но добрая Нельда смотрела на сироту с жалостью и обращалась с нею скорее, как с подругой, а не как со служанкой.

Характер Герты был совсем другой, чем у Нельды. Живая, капризная, порывистая, все принимавшая к сердцу, Герта странным образом привязалась ко мне. Я имел безусловное влияние на эту пылкую и непостоянную натуру; самые сильные порывы гнева у нее, случавшиеся очень часто, я останавливал одним строгим взглядом.

Более семи лет прошло спокойно, без сколько-нибудь значительных событий. Мне было 19 лет и я приобрел очень много познаний и хорошие манеры в обществе рыцаря Теобальда, который — что очень странно для человека его положения — никогда не выезжал из замка и никого не принимал.